

О.А. ЯНОВСКИЙ

ПЕРВЫЕ ПРОФЕССОРА БГУ В.И. ПИЧЕТА И Д.П. КОНЧАЛОВСКИЙ: ПОЗИЦИИ И СУДЬБЫ УЧЕНЫХ «СТАРОЙ» ФОРМАЦИИ

Олег Антонович Яновский - кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России. Автор более 160 научных и научно-методических работ, в том числе четырех монографий: среди них - «Дипломатия и дипломаты России (от Ивана III до Петра Великого)» (2000), «Гісторыя Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў біяграфіях яго рэктараў» (2001). Автор и соавтор почти 20 учебников и учебных пособий по истории Беларуси и России. Область научных интересов - история становления в Беларуси системы высшего образования, роль и общественное предназначение интеллигенции, внешнеполитические обстоятельства формирования государственных образований на территории Восточной Европы.

Comparing life circumstances and scientific development of the two famous professors, who came to Minsk from various Russian cities and towns in order to participate in the organization of the activities of the Belarusian State University, the author of the article analyses objective and subjective factors of the adaptation of the «old» Russian intellectuals to new conditions of the post-revolutionary time as well as to the nation formation processes, which took place in Belarus in the 20s and to the policy of the Soviet government in the USSR and the BSSR.

Создание в послереволюционной Беларуси своего университета стало в 1920-е гг. закономерным итогом давно сформировавшейся общенациональной потребности в нем. При очевидном сомнении новой власти в правомерности и необходимости университета на западных рубежах теперь уже советской России, при отсутствии четкой позиции большевистского руководства в вопросе белорусской государственности его создание можно считать исключительно важным итогом революционных потрясений (даже с учетом того факта, что университет изначально был задуман и создан не как выразитель национальных интересов, а как государственный институт - одновременно и социальный, и политический - для решения задач, исходящих от властей). Национальная риторика в связи с обозначением сущности университета в Минске в первое время лишь сопровождала совершенно прагматичную политику властей и центральной (московской), и местной (белорусской).

Вместе с тем в самих стенах созданного университета чуть ли не с первых дней задачи национального возрождения, как тогда было принято говорить, осознавались и решались. Примечательно, что это понимание было свойственно не только представителям собственно белорусской интеллигенции (а она в первые годы в университете составляла меньшинство), но и «старой» профессуре, которая в силу тех или иных обстоятельств приехала

в Минск как из известных российских университетских центров, так и из глухих провинциальных мест, куда ее разбросали бурные годы революций и гражданской войны. Но и в этих экстремальных условиях она сумела сохранить важнейшие свои достоинства, основными из которых являлась принадлежность к просвещенному верхнему слою прежнего общества, к «зрелым элементам гражданского общества» вообще. Тем более она, как никакая иная социальная группа, стремилась «внести в общественную жизнь начала, усвоенные в университете»¹, по словам известного историка и политического деятеля предреволюционной России П.Н. Милокова.

Главным «генератором» национально-ориентированных идей и одновременно их реализатором был первый ректор БГУ, историк Владимир Иванович Пичета, объединивший вокруг себя тех своих коллег, с которыми был долгое время знаком еще по совместной научной и педагогической работе в дореволюционные годы. Они отличались профессионализмом, обладали независимым суждением, были известны как люди передовых взглядов, которые исключали, если можно так сказать, и «фильство», и «фобство» в вопросах национальной идентификации народов распавшейся Российской империи. Взвешенность их позиций нравилась как не всем представителям официальных властей, так и наиболее радикально настроенным представителям национальных кругов. Следуя подобному неоднозначному восприятию деятельности Пичеты, власти могли в течение многих лет превозносить его, например, устраивая пышные чествования юбилея научно-педагогической деятельности и награждая уникальным званием «заслуженного профессора» (в 1926 г.), а затем они же в 1930 г. низвергнуть в тюремные подвалы, подвергнуть физическому унижению пытками и общественному унижению обвинительными ярлыками. С другой стороны, Владимиру Ивановичу требовалась огромная выдержка, чтобы сохранить и работоспособность, и душевное равновесие, когда его деятельность по-разному оценивалась даже студентами. Одними он воспринимался всего лишь как «нядрэнны дыплямат», который стремился не «задзірацца зь беларусамі», а поэтому «ягоны далейшы нецкавы лёс ня варта звязваць зь беларускай дзейнасцю»². Другие же видели в нем чуть ли не единственного в Беларуси профессора, который «аддаваў шмат увагі краязнаўству», хотя вместе с тем был «чужы для нашага краю па паходжанню», но смог «зжыцца» с ним за девять лет своей работы в БГУ³.

Одновременно очевидна его миссия идеологического обеспечения политики властей. Можно привести несколько фактов, отразивших диаметрально различные подходы при реализации профессиональных кондиций ученого. Так, в первом случае летом 1920 г. Владимир Иванович, занимавший тогда высокую должность главного инспектора Главного управления архивным делом (ГУАД), явно исполняя волю высоких советских инстанций, вынужден был дать свое согласие на уничтожение многих сотен пудов архивных материалов по военной истории России XIX ст. Но уже в ноябре 1926 г., когда СНК БССР в своем обращении в Наркомат иностранных дел СССР просил «воздержаться от передачи Литве так называемой Литовской метрики», он исходил из позиции Пичеты, свидетельствующей, что «БССР имеет все исторические и практические основания для получения этой метрики»⁴. Тем более, что условия Рижского мирного договора обсуждались в 1921 г. в отсутствие «даже представителя Белоруссии советской», хотя делегацию советской России по вопросам возможного перемещения исторических и культурных раритетов консультировал как раз Владимир Иванович⁵. Университетскому ректору нередко приходилось не только отстаивать историческое наследие и объективность исторических фактов, но и, как можно су-

* В цитатах полностью соблюдена орфография документов.

дить из следующего приводимого сюжета, идти на их политически обусловленную интерпретацию. В пространной речи на II Всесоюзном съезде научных работников СССР в феврале 1927 г. Владимир Иванович вынужден был до предела сгустить краски, характеризуя угнетенное положение населения Западной Беларуси в составе Польши, чтобы власти правильно оценили ситуацию, заявив, что там «в настоящее время не имеется ни одной белорусской школы», а «Виленский университет является фактически закрытым для белорусского народа»⁶. Если оценивать эти утверждения с позиций исторических фактов, то профессор явно гипертрофировал ситуацию именно на начало 1927 г., хотя уловил тенденцию дальнейшего ее развития⁷. Даже радикальный в своих национальных приоритетах коллега Пичеты по БГУ А.А. Смолич, выступая там же, не стал впадать в неподтвержденную фактами детализацию сложившегося положения с правами белорусов, определив, что «польская политика в отношении Белоруссии носит следы какого-то рокового неизлечимого безумия»⁸.

Одним из первых профессоров БГУ был и Дмитрий Петрович Кончаловский. Именно он вошел в историю белорусского высшего образования как профессор, который 31 октября 1921 г. прочитал самую первую лекцию для студентов факультета общественных наук - одного из трех факультетов, из которых состоял тогда БГУ. Своим появлением в Минске он был обязан Пичете, с которым был знаком по совместной работе в МГУ. Известно, что и Пичета, и Кончаловский в 1911 г. оставили преподавание в нем из-за своих политических убеждений, а потом до 1917 г. были чуть ли не изгоями для официальной власти и с большим трудом находили применение своей высокой квалификации. Революции 1917 г. предоставили ученым-историкам не только возможность самореализации, но и устроили испытание их политическим взглядам и убеждениям.

Для того чтобы проследить изменение отношения ученых к революциям, к идеологии марксизма и практике большевистской власти, а также понять, каким образом и почему именно так проходила адаптация интеллигентов к реалиям советской жизни, имеется достаточно много материалов. Так, Национальный архив Беларуси располагает несколькими фондами, позволяющими проследить обстоятельства почти десятилетнего периода жизни и деятельности в Минске Пичеты. Там же сохранилось и небольшое личное дело Кончаловского - в БГУ он работал с сентября 1921 по сентябрь 1923 г.⁹ Совмещение этих двух имен в данной публикации определено очевидной возможностью на примере их биографий в очередной раз убедиться и осознать, сколь жестокие требования предъявила революция к российской интеллигенции.

Ректор и профессор БГУ, действительный член Академии наук БССР с 1928 г., а вместе с тем и член ЦИК БССР пяти созывов, делегат съездов Советов БССР, депутат Минского горсовета, хотя так и не принятый в партию, Владимир Иванович лишь в исключительных случаях мог позволить себе предать сомнению властные установки по отношению к управлению образованием и наукой. Он был всегда на протяжении 1921-1929 гг. «штатным» и предсказуемым для власти докладчиком на всех более или менее общественно значимых и политически важных мероприятиях- собраниях, съездах, конференциях и т. п. (на заседаниях Правления или Совета БГУ при обсуждении вопросов превращения университета в «светоч знаний», или же во время проведения торжеств по случаю пятилетнего юбилея БГУ как воплощения «культурно-асветных дасягненняў на Беларусі», или на Академической конференции по реформе белорусского правописания и азбуки и т. д.)¹⁰. Но, с другой стороны, уже будучи под угрозой смещения с поста ректора, он, например, в июне 1928 г. не испугался возможных последствий и счел своим долгом обратиться с большим письмом к руководству БССР, в котором продолжал отстаивать необходимость сохранения

«белорусской составляющей» в учебных планах и научной деятельности БГУ (белорусский язык преподавания, белорусские история, краеведение и т. д.), ибо в противном случае мог бы начаться «фактычна пачатак распаду Ун-та, і гэта палітыка не можа быць тлумачана ніякімі аб'ектыўнымі і суб'ектыўнымі момантамі»¹¹.

Итог этой честной и активной профессорской позиции известен: Владимир Иванович был по указке властей буквально «затравлен» ретивыми исполнителями, снят с поста ректора БГУ, а затем в сентябре 1930 г. арестован. Одновременно партийная фракция президиума Белорусской академии наук в числе 25 других ученых-«контрреволюционеров» сняла его с занимаемой академической должности. Постановление СНК БССР от 6 декабря, исполнившее резолюцию бюро ЦК КП(б)Б, довершило уничтожение «пичетовского следа» в белорусской науке - он как «враг пролетарской диктатуры» был лишен звания академика¹². И тем не менее, даже находясь в одиночной камере будучи под следствием, свою лояльность к власти и ее политике он пространно выразил в октябре 1930 г. в «Общественно-политическом credo», называя там себя «умственным пролетарием» и «советским человеком»¹³. Содержание текста его «Credo» целиком налагается на конкретику взаимоотношений автора с советской властью. Разумеется, обвинения Владимира Ивановича в «нацдемовщине» (кстати, так называемая белорусизация, в которой он участвовал хотя и по указке властей, но без излишнего надрыва, с самого начала была частью его воззрений развития белорусской нации и белорусской государственности), а тем более в «великодержавном шовинизме» не могли не привести в положение заключенного значительной доли трагизма и даже обреченности и таким образом побудить его к демонстрации определенно преувеличенной уважительности своего отношения к советской действительности. Его никак нельзя было обвинить в том, что он был лишь «папутикам» советской власти и как представитель «старой интеллигенции» занимал консервативную позицию, тем самым отрицательно влияя на «молодую революционную интеллигенцию». И уж никоим образом он не являлся «интеллигентом-шовинистом», а тем более в рядах «национальной интеллигенции» не пытался «ўзначальць беларусізацыю». И вообще, он вряд ли в полной мере подходил к тем характеристикам, которыми в 1920-е гг. партийные идеологи пытались наделить различные группы «старой» и «новой социалистической» интеллигенции¹⁴. Но вместе с тем Пичета был «человеком неугомонного общественного темперамента и неутомимого труда», «выполнял колоссальную общественную работу», а поэтому у него «были недоброжелатели, были враждебные элементы», с которыми он вел «непримиримую борьбу». И безусловно то, что именно Владимиру Ивановичу удалось благодаря своей энергии и целеустремленности уже с первых дней деятельности БГУ превратить его в «центр культурной жизни республики»¹⁵. Несомненно и то, что он, выйдя на свободу, так и не смог в общественно-политическом плане вновь стать активной, с самостоятельной позицией личностью. Правда, если судить по некоторым данным, предоставленным белорусскими (см. газету «Звезда» за 5 листопада 1997 г.) и московскими (см. «Советское славяноведение». 1991. № 2) историками, такое суждение может быть не столь однозначным. Но факт, что время заключения и ссылки стало переломным для Пичеты, побудило его к пересмотру многих своих взглядов и убеждений, определило необходимость полностью «уйти» в занятие академической наукой.

Иначе сложились отношения с советской властью у Дмитрия Петровича. И не столько с самой властью, сколько с ее представителями в системе советской высшей школы. Как впоследствии отмечал сам историк-антиковед, убедившись в лицемерии и расхождении слов и дела «революционных вождей-марксистов», он не считал возможным «приспособляться», подобно

многим коллегам, а тем самым «пожертвовал своей научной карьерой»¹⁶. В итоге он был сначала исключен из Смоленского университета, потом Московского (уже во второй раз, учитывая обстоятельства 1911 г.), затем в заботах о «приискании питания» оказался в Минске у «товарища по университету В.И. Пичеты». Именно он в числе 15 своих «маститых» коллег-первых профессоров БГУ, выделяясь среди них не столько «асырыйскім клінком» своей черной бороды, но тем, что его книга «Аннибал» была в ленинской библиотеке, 29 октября на заседании университетского Совета обсуждал под руководством Пичеты возможные варианты первых учебных планов, а одновременно готовился к чтению первой университетской лекции о культуре «Міжземнага мора ў эпоху панавання Рыму»¹⁷.

Но долгое время удержаться в Минске ему не удалось. Да и как возможно было адаптироваться к непонятным политическим и социально-культурным процессам, разворачивавшимся в советской Беларуси, если он не мог понять даже самого простого: почему в университете в Минске с «громким названием "Бялорусский Дзяржаўны Універсітэт" лекции читаются приглашенными из Москвы и к тому же на русском языке?!»¹⁸ Эта проблема была острой и для всех тех, кто не только занимался решением вопросов организации в Беларуси высшей школы, но и мечтал о новом белорусском возрождении. Так, один из деятелей белорусского национального движения А.К. Головинский в августе 1921 г. писал, что университет в Минске начал работу, «але састаў прафесуры слаб і на выкладаньне па беларуску ня можна пакуль-што спадзевацца». Констатируя данную ситуацию, он вынужден был согласиться с мнением преподавателя Коммунистического университета в Гомеле и партийного функционера М.И. Мороза, который сказал, что «наша адраджэньне толькі што пачалося, шмат хто да гэтага часа нічога ня ведаў аб сваёй Бацькаўшчыне. Вялікая шкода у тым, што тыя працаўнікі, якія пачалі працу беларускага адраджэньня не знайходзяцца у Менску. Напр. Смоліч напісаў геаграфію, а бадзяецца чорт яе ведае ідзе»¹⁹.

И все же Дмитрий Петрович некоторое время был вынужден подчиняться тогдашним «правилам игры», установленным и самими обстоятельствами времени, и продиктованными «сверху». Так, он обязан был принимать участие в чтении публичных лекций, сборы от которых направлялись в пользу голодающих. В данном случае только личная просьба Пичеты «подвинула» профессора на исполнение этой общественной нагрузки²⁰. В скромном актовом зале университета (а он располагался в здании «Дома № 3 БГУ»), там, где около месяца назад историк прочел студентам самую первую академическую лекцию, 27 ноября 1921 г. она была вновь озвучена в качестве теперь уже «публичной» (правда, в достаточно осовремененной и многозначимой интерпретации - «Борьба за мировую гегемонию»). Очевидно, тоже не без уговоров со стороны Пичеты Кончаловский дал свое согласие на вхождение в состав предметной комиссии факультета общественных наук²¹. Однако, если принять в расчет дальнейшую судьбу Дмитрия Петровича, следует отметить, что он так и не смог или просто не захотел приспособиться к новым обстоятельствам своей профессиональной деятельности.

Отъезд из Минска был скорым и незаметным. До 1941 г. Дмитрий Петрович, «приискивая» пропитание для своей большой семьи, полностью отошел от столь «опасного» дела, как изучение и преподавание истории (даже если она и была античной). Ему пришлось переключиться на занятия научной работой «для себя», на преподавание в ряде московских вузов как бы политически нейтральных немецкого и латинского языков, брать на дом платные переводы и т. п. Таким образом, ученый в условиях советских «культурных» и иных преобразований был вынужден долгие годы испытывать тяжелые душевные и физические муки и как бы «наступить на горло»

своим творческим интересам. Но он, оставшись в 1920-1930-е гг. жить на советской территории, сумел уберечься от тюрьмы, ссылки, расстрела. Затем в условиях Второй мировой войны оказался в прифронтовой полосе и даже занимался «организацией русского народного образования в занятых немцами областях», а затем в обозе отступавшей фашистской армии оказался во Франции, где написал две книги-размышления, в которых, не сетуя на свою судьбу, как ни странно, попытался дать объяснение закономерности установления в России власти большевиков²².

Таковы судьбы лишь двух незаурядных российских интеллигентов «старой» формации, прошедших сложный путь адаптации к утверждавшимся советским реалиям и оставивших заметный след в истории белорусского высшего образования и науки. Есть основания утверждать, что они, как и многие другие их коллеги, несмотря на различие во внешних проявлениях своего понимания сути новой власти, внутренне так и не смогли ее принять. Владимир Иванович смирился перед ней, когда понял иллюзорность своих планов по созданию «с нуля» по-настоящему национальной, свободной от идеологических схем, с глубоким научным обеспечением деятельности высшей школы Беларуси. Воспитание тюрьмой и ссылкой отрезвило на всю оставшуюся жизнь профессора-ректора. Кончаловский же с самого начала своего сотрудничества с советской властью не принял ее идею и практику построения новой жизни и на долгое время «ушел в себя». Позже, в достаточно преклонном возрасте, Дмитрий Петрович нашел силы покинуть ту среду, которую он не принимал изначально, и выразил себя в запоздалых книгах. Стремление же других представителей «старой» российской интеллигенции несмотря ни на что продолжать свои творческие замыслы заставляло их по-разному, но адаптироваться к новым реалиям, пытаясь одновременно быть в стороне от политики. Хотя самоустраниться от бурно развивавшихся политических процессов никому так и не удалось. И тем, кто в силу исполняемых служебных полномочий был естественным образом втянут в нее, и тем, кто пытался спрятаться от нее в тиши научных лабораторий, профессорских кабинетов или растворившись в среде советских обывателей. Все их поступки, слова и даже невысказанные вслух мысли находились в поле зрения партийных и советских органов всех уровней и полномочий, а тем более карательных инстанций, которые реализовывали «генеральную линию» в вопросах «скарыстання нацыянальнай інтэлігенцыі»²³.

¹ Маурер Т. Преподаватели высшей школы в царской России. К изучению российской социальной истории и истории образования. Кельн; Веймар; Вена, 1998. С. 864 (на нем. языке); Антощенко А. В. Празднование 175-летнего юбилея Московского университета в русском зарубежье // ant@mail.ru.

² Кіпель Я. Эпізоды / Пад рэд. І. Ёрбановіч, З. Саўкі. Нью Ёрк, 1998. С. 81.

³ См.: У л а ш ч ы к М. Выбранае / М. Улашчык; Уклад. А.Каўкі і А. Улашчыка. Мн., 2001. С. 228.

⁴ Щербина Т. А. Макулатурные кампании в военных архивах России (1919-1931 гг.) // Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 26; Зеленое М. В. Аппарат ЦК РКП(б) - ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Н. Новгород, 2000. С. 72; Знешняя палітыка Беларусі: 36. дак. і матэрыялаў. Т. 2 (1923-1927 гг.) / Склад. У. М. Міхнюк і інш. Мн., 1999. С. 257.

⁵ В а л а х а н о в і ч А. І., Міхнюк У. М. Сповідзь у надзеі застацца жывым: Аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча. Мн., 1999. С. 31; Яноўскі А. А. Першы рэктар БДУ У. І. Пічэта - удзельнік рыжскіх перагавораў // Рыжскі мірны дагавор 1921 г. і лёсы народаў Усходняй Еўропы: Матэрыялы міжнар. навук.-тэарэт. канф. (Мінск, 16-17 сакавіка 2001 г.) / Пад навук. рэд. У. Ф. Ладысева. Мн., 2001. С. 34.

⁶ Знешняя палітыка Беларусі... С. 296-297.

⁷ См.: Хаўратовіч І. Заходняя Беларусь // Энциклопедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1996. Т. 3. С. 423; Ладысеў У. Ф., Брыгадзін П. І. Паміж Усходам і Захадам: Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917-1939 гг.). Мн., 2003. С. 166, 180; Крывуць В. І. Палітычныя плыні ў асяроддзі студэнтаў Віленскага ўніверсітэта імя С. Баторыя ў 30-я гг. XX ст. // Айчынная і сусветная гісторыя: сучасныя погляды і метады даследавання: 36. навук. арт. Мн., 2004. С. 203, 206; Vilnius universitatas Lietuvos valstybes istorijos archyvas. Vilnius, 2004. S. 68.

⁸ Знешняя палітыка Беларусі... С. 298.

⁹ См.: Национальный архив Республики Беларусь (далее - НАРБ). Ф. 205. Оп. 3. Д. 3941. Л. 5, 11.

¹⁰ См.: Беларусізацыя. 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы / У.К. Коршук, Р.П. Платонаў, І.Ф. Раманоўскі, Я.С. Фалей. Мн., 2001. С. 46, 157; Перед крутым поворотом: Тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925-1928 гг.): Отражение времени в архивных документах / Авт.-сост.: Р.П. Платонов и др. Мн., 2001. С. 169; Платонаў Р.П. Беларусь у міжваенны перыяд: Старонкі палітычнай гісторыі ў святле архіўных крыніц. Мн., 2001. С. 115.

¹¹ Платонаў Р.П. Палітыкі. Ідэі. Лёсы: Грамадзянскія пазіцыі ва ўмовах нарастання ідэолага-палітычнага дыктату ў Беларусі 20-30-х гадоў. Мн., 1996. С. 125.

¹² См.: На крутым павароце: Ідэолага-палітычная барацьба на Беларусі ў 1929-1931 гг.: Дакументы, матэрыялы, аналіз / Аўт.-склад. Р.П. Платонаў. Мн., 1999. С. 248, 298.

¹³ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Архивное уголовное дело № П-65245. Т. 9. Л. 258-263; Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 147. Оп. 2. Д. 11. Л. 25.

¹⁴ См.: Платонаў Р.П. Старонкі гісторыі Беларусі: Архівы сведчаць: 3 навуковай спадчыны. Мн., 2002. С. 215; КПБ і інтэлігенцыя // Чырвоны Сцяг. 1925. № 7. С. 8-9; Луначарский А.В. Интеллигенция и ее место в социалистическом строительстве // Революция и культура. 1927. № 1. С. 23.

¹⁵ Пичета К.В. Владимир Иванович Пичета (Из воспоминаний дочери) // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В.И. Пичеты. М., 1978. С. 114, 117; Из истории университетского славяноведения в СССР. М., 1983. С. 217.

¹⁶ Кончаловский Д.П. Воспоминания и письма. Paris, 1971. С. 186.

¹⁷ Вальфсон С.Я. Адрывкі з успамінаў і думкі // Беларускі Дзяржаўны Універсітэт. 1921-1927. Да 10-й гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі. Менск, 1927. С. 53, 54; Белорусский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени В.И. Ленина / Ред.-сост. А.И. Кожушков. Мн., 1971. С. 20.

¹⁸ См.: Кончаловский Д. П. Указ. соч. С. 186.

¹⁹ Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Вільня; Нью Ёрк; Менск; Прага, 1998. Т. 1. Кн. 2. С. 1183; Міхнюк У. М. Галавінскі Аляксандр Кузьміч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1994. Т. 2. С. 453; Карніловіч Э. Мароз Міхаіл Іванавіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1999. Т. 5. С. 79.

²⁰ См.: НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 124. Л. 188.

²¹ Труды Белорусского Государственного Университета в Минске. 1922. № 1. С. 210, 216.

²² Кончаловский Д.П. Указ. соч. Сб.

²³ См.: Платонаў Р.П. Палітыкі. Ідэі. Лёсы: Грамадзянскія пазіцыі ва ўмовах нарастання ідэолага-палітычнага дыктату ў Беларусі 20-30-х гадоў. С. 221.

Поступила в редакцию 16.05.06.